

XV

Р скрыв ю гл з : яркий свет р достного утр и улыб ющиеся черные гл з ... З р скрытым окном звонко поют птицы... Не могу вспомнить, тот же это день или новый... Ослепляет солнечный свет, но сильнее его черный свет твоих гл з, К лерия...

— С добрым утром! Я уже испкуп л съ... Дедушк убил утку...

Н клонил съ к лицу, пок з л кончик язык и вст л с колен.

— Вот тебе утк !

Бросил н тр ву мертвую дикую утку.

— Ж ль мне ее...

— Попл чь н д ней...

— А тебе... не ж лко?

— Ж реную ж лко...

Весело хохочет. Подбеж л Дж льм , ж дно обнюхив ет утку, к ч ет хвостом, поглядыв ет н меня, словно говорит: «Эх, ты!..» Умниц ! Взглянул н К лерию; к к молния, прониз ло меня воспомин ние о чем-то нед леком и д леком, и безгр ничн яр дость облил душу, и мне з хотелось посмотреть в черные гл з и что-то н помнить им...

— Ты в белом...

— Д . Ж рко в шерстяном.

— К кой стр нный костюм... С крыльями...

— Это м тинэ.

— Ах, милое м тинэ!.. Бел я п утин кружев.

— Ты сегодня с кос ми. К кие у тебя косы! Тяжелые косы. Д й мне поднять их н руке.

Я приблизился, подерж л в руке косу, приж л к ней губы.

— Мне хочется р счес ть твои косы...

З глянул ей в гл з и молч спросил, помнит ли? Опустил ресницы и улыб ется... Не могу... Я должен обнять тебя крепко-крепко...

— Иди куп ться. Простынян перил хкрыльц ...

— Хорошо, хорошо... Дж льм ! Идем!

Дедушк сидит н бережку озер с длиннейшим удилицем.

— Клюет ли, дедушк ?

— А- , Енн дий! Куп ться?

— Д .

— Ну и смел я у тебя б б !..

— А что?

— З плыл н тот берег... К к рыб пл в ет. Поп л в тину, н силу вылезл ... и все хохочет. Смотри, тут дохохочется. Дн т м нет...

Куп юсь, перегов рив юсь с дедушкой.

— Долго ли прогостите у меня, милёнки?

Н помнил, что — недолго. Т к и сж лось сердце холодом. Неужели он уедет и... Ведь не может же это кончиться тем, что он уедет...

— Погостим, дедушк !

— Хлеб у меня только к р в й... Н до в деревню... С недельку погостите, поди?..

— Хотелось бы...

Куп лся и дум л: «Что мне дел ть, когд н - ступит время р злуки?.. Р злук ! Неужели он придет, и скоро? Что же дел ть?.. Что дел ть!..» Вернулся в избушку печ льный от этой мысли и вздрогнул: К лерия возил сь около своего дорожного чемод н ...

— Ты... ты что дел ешь?

— Н вожу порядок...

— З чем?

— Чтобы потом было легче уложиться...

— Ты дум ешь об отъезде?

— Д , з втр вечером приедут лош ди...

— Не приедут...

— Почему?

— Потому что я не велел.

— Очень глупо, голубчик, сдел л. Придется посыл ть тебя же... или дедушку. Пей ч й! Я уже н пил сь.

— Что ты чит ешь?

— Т к... письмо...

— От кого?.. Д й прочит ть!..

— Нельзя.

— Я отниму...

— Не дел й мне сцен ревности... Ин че я р сержусь...

— Ты н рочно муч ешь меня... Ты не любишь меня!..

— Я тебе говорил , что люблю к к умею, и, к жется, ты мог в этом убедиться. Других док з тельств д ть тебе не могу. Не порти недолгих ч сов, которые мы с тобой проведем здесь... Живи н стоящим, не прошлым и будущим. Прошлое — для ст риков, будущее...

— Будущее... для чего хочешь, только не для любви. У ней — только н стоящее...

— Одн ко ты очень уж просто смотришь н ... н ... н ...

— А з чем н до «не просто»?.. Если будешь дуться, можно и скорее сдел ть н стоящее прошлым...

— К к спокойно говоришь ты об этом!.. Д , это не язык любви...

Смолкли. О чем он дум ет? Не зн ешь. Где-то д леко ее мысли, не со мной. Может быть, он кого-нибудь любит, вот т к же, к к меня. К к-то, одн жды, он ск з л мне: «Моя любовь, к к с м я, к призн ».

— Вот язык любви, — ск з л он , подошл , поцелов л и приб вил : — Другого я не зн ю... Говорю только н своем родном языке...

И опять пок з л кончик язык ...

— Не ревнуй! Н пр сно... Тебе поз видов ли бы очень многие...

Хотелось рыд ть... О чем? — не зн ю... Бесильн я тоск проползл в душу. Безумное же-

л ние слить в одном трепете свою душу с душой К лерии и почувствов ть, что и душ ее — моя душ !..

— Я не могу овл деть твоей душой, к к овл дел ты — моей...

— Что же, милый, я могу сдел ть?.. Пройдет... Все пройдет!.. И скоро душ твоя будет опять свободн ...

Я схв тил руки К лерии и ст л со злобой лом ть. Мне з хотелось сдел ть ей физическую боль, потому что я не мог сдел ть ей другой.

— Больно! Больно! Опомнись!..

— Я могу убить тебя...

Вырв л сь, р ссердил сь... Н гл з х слезы.

— Ты, пож луй, з хочешь бить меня, противный м льчишк !

Ушл в бор, я уп лн смятую тр ву и ст л мет ться, з дых ясь в тоске и бессильной злобе...

— Я убью тебя... Убью!.. Убью!.. Господи, Господи, что мне дел ть? Что дел ть?..

Не зн ю, сколько прошло времени... Я пл к л горячо и долго. Потом стих и только долго еще не мог ост новить сп змы в горле и вздр гив л всем телом... И з былся в стр нном полусне: слыш л пение птиц з окном, шум в бору, похожий н д лекий морской прибой, слыш л гудящую н стекле муху, но все это было где-то д леко, непонятно, стр нно. Я пл в л в волн х к ких-то воспомин ний, прошлых, д леких и близких, и все пут лось: и р дость, и горе, и смех, и слезы, и не зн л я, сч стлив или несч стлив я... Грезился смутно обр з к кой-то женщины, может быть, девушки, то светлый, то темный... Беседк в п лис днике, столик, лгебр , золот я кос ... Беседк в с ду, окно в гуще сирени, сидящ я н крыльчке печ льн я фигур м тери... То склонял сь н до мной бел я, то черн я, и одн пл к л , друг я смеял сь, и когд я протягив л губы к белой, он вдруг превр щ л сь в черную. Отчего у тебя одн кос золот я, друг я — черн я, к к смол ? Гудит п роход... Нет, это — мух ... Смешно... Кто-то сильно толкнул избушку, к кой-нибудь велик н...

— Один?.. А где твоя кр ля-то?

— Ах, это ты, дедушк !

— Ж реху принес: уточку... Пор обед ть...

Я оглянулся и ср зу вспомнил все, что пережил, и прежде всего почувствов л, что нет К лерии...

— Не вид л, дедушк , К лерии, моей К лерии?.. Ах, к кой ты бестолковый!

— Не пойму слово-то...

— Жены, жены!..

— А- ! Утром видел, к к он в бор ушл ... Неужели с тех пор не вернул сь? Не з блудил сь

бы... Это дело-то! Н до бы поиск ты, покрич ты... К было скоро дождичек не пошел: вся измокнет...

— Д , д , н до иск ты, н до иск ты... Пойду...

— Возьми рожок у меня. Поигр ешь, его д лево в лесу слых ты... Ветерок подув ты н ч л, грозы не н дуло бы н ночь-то...

З беж л в землянку з рожком и с томящей тревогой в душе пошел в бор иск ты К лерию...

— К лерия!

Шумит, ворчит бор, и бессильно бьется мой голос в стен х угрюмых сосен.

— К лерия!

Нет. Вот и п мятн я полянк , где мы ели землянику... Неужели это было только вчера ? Д , вчера . А к жется, что это было д вно-д вно, когд не было тоски, только одн р дость, смех, сч стье... Вот пучок з бытых н ми м рг риток... Увяли. Т к скоро...

— К лери-я!

Игр ю в рожок, прислушив юсь. Нет. Ускоряю ш ги, рвусь вперед, продир юсь сквозь ч щу лес , ц р п ю лицо колючими игл ми хвои. Бьется в тоске и тревоге сердце... Что это? Дождь? Д . Словно з говорщики з шепт лись кругом меня... Теперь не услышит уже: з глуш ет шум дождя и шум р ск чив ющихся вершин мой рожок... А может быть, он уже в избушке и с беспокойством ждет моего возвр щения... Нет, он не беспокоится. Сидит и улыб ется, может быть, перечитыв ет свои ст рые любовные письм ... и укл дыв ет в желтый чемод н пл тья, кофточки, руб шечки с ленточк ми и б нтик ми... У нее нет сердц . Он жесток я... Он сжиг ет огнем своих гл з, но не любит.

— К лери-я!

Проп ло солнце в туч х. Не зн ю, в к кой стороне н ш избушк ... Не р зберешься в потемневшем лесу. Неприветливый он ст л, безр достный, вр ждебный... А дождь все сильнее. И все ворчливее ст рый бор. Я шел н прямик, крич л и вслушив лся — и вдруг переменял н пр вление... Н пр сно не послуш л ст рик : не н дел охотничьей куртки. Руб х уже мокр я, липнет к телу и холодит. Со шляпы прыг ют крупные водяные к пли... Нельзя з курить п пиросы: вымокли спички... Н чин - ло овл дев ты отч яние. Словно я уже н всегд потерял мою милую жестокою К лерию... Муч й меня, к к хочешь, я все-т ки люблю тебя; в стр д ниях, которые ты д ешь мне вместе с твоей любовью, бездн сч стья...

— К лерия! К лерия! К лерия!..

Голодный, промокший до костей и дрож щий от холод , я бродил уже без н дежды по лесу, не

зн я с м, куд иду: к дому или от дом . Вышел н к кую-то дорожку. Бог ее зн ет, куд он приведет. Не зн ю, сколько времени: темно уже... Притих дождик. З игр л в рожок, потом з крич л:

— К -ле-ри-я-я- !

— А-уууууу!

Неужели он ! К жется, ее голос...

— К лери-я-я-я!

— Гейня-я-я!

Он , он !.. Нет сомнения... Вон он белеет н дороге... Дурочк , он , к жется, в одном своем кружевном м тинэ... Т ки есть!..

— Иду-уу!

А с м бегу, скользю по грязной и мокрой дорожке, спотык ясь, п д ю... Хохоchet... Д , з лив ет-ся, словно случилось что-то очень смешное...

— Уф! З чем ты т кд леко...

— Ты винов т... Но н что мы об похожи?.. Мокрые курицы!.. Не смотри н меня: я прямо неприличн ... Все прилипло... Бррр!.. Холодно и уж сно хочется куш ты... Ам! — я съем тебя, поросенок...

И прошло все сердце... Нельзя н нее сердиться... Ее можно только любить.

— Я тебя ищу очень д вно уже...

— Ну и отлично: в другой р з будешь умнее...

— Ты хочешь, чтобы и в другой р з...

— Не со мной, т к с той, которую ты будешь любить после меня...

— Погоди: к жется, кто-то едет...

— Мужик.

— Вот если бы он пос дил н с!.. Ой, к к холодно и к к хочется куш ты... Н йдем его! У меня промокли волосы, ноги, все, все...

— Мужичок!

— Тпру! Что вы з люди?.. Отколь?..

— Пр восл вные! — с хохотом отвеч ет К лерия...

Ну, можно ли сердиться н эту женщину?.. Мужик недоверчиво оглядел К лерию:

— Хм... С ус ми... об !.. Чисты сосульки... Ей-богу! С дитесь уж...

— Н м н до к леснику.

— Эге, куд з брели... Это ведь в сторону. Я в с до дороги довезу, котор я туд ... А т м еще с версту... Добежите уж... Лучше прогреетесь... Вишь, к к девчонк -то дрожит! Н -к к фт н, прикройся!.. Только бы до грозы-то в м поспеть...

— А будет?

— Будет... Вон, с той стороны огром дн я туч ползет... Н гоняет... Слышь: ворчит?..

— Д , слышу...

— Ну-к , мил я, до грозы-то поспеть бы!..

Мужик н хлест л лош дь, и он побег л г - лопом, подбр сыв я высоко телегу. Мы с К ле- рией колотились друг о друг и р досто смея- лись...

— Ой, душ выскочит, ой, ой, ой, тише!

А черн я туч н гонял . Все ближе и громче ворч л гром, перек тыв ясь по лесу...

— Эх, Илья по небу прок тыв ется! — говорил мужик и, покрутив вожж ми в воздухе, н хлесты- в л мохн тую лош денку...

XVI

— Генек! З жги огонь и не смотри сюд , з печку, я не буду смотреть туд ... Будем переодев ться. Бррр! Холодно. А все-т ки хорошо! Я очень до- вольн этим приключением...

Хохочет т м, з печкой. Под- плясыв ет босыми ног ми по полу и весело пригов рив ет:

— Холодно, Генек, холодно; голодно, Генек, голодно.

Вязко п д ет мокрое белье н пол, сухо шелестят свежие юбки, кофты... Я тоже тороплюсь при- нять бл гообр зный вид. Уд рил и пок тился по лесу гром, и стро- го з ворч л ст рый бор. Близко гроз .

— Генек! З крой окно, то молния з летит... А умира ть не хочется еще...

Н беж л сердитый ветер, рв - нул створку окн и р збил стекло.

Дедушк принес клокочущий п ром с мов р и ж реху из утки, хлеб . Долго он х л около р з- битого стекл и руг л ветер. Вкус- но п хло ж рким и коркой свеже- испеченного черного хлеб ...

— Ты готов?

— Д .

— Можно выходить?..

Появил сь вся в черном, тон- к я, хрупк я, похож я н моло- денькую послушницу из мон сть- ря. Волосы р спущены, н голову н брошен черный пл ток, ш ль не зн ю к к н зв ть... Из-под ш ли лук вые гл з . Подошл , сброси- л ш ль и, н клонив голову, пере- бросил ловким движением все волосы н грудь... Стоит бос я.

— Генек! З верни мои волосы в полотенце, свей жгутом и выжми, к к дел ют женщины, полоск я белье. Поним ешь?

— Поним ю.

Крепко, с непонятым р здр жением, крутил я мокрые черные волосы, он крич л :

— Будет! Больно!

Опять н клонил голову, встряхив ет к ск дом черных волн.

— Смотри: дост ют мои волосы до полу?

— Волос долог, — ухмыляясь, ск з л дедушк .

— А ум, дедушк , короток. Д ?

— А кто тебя зн ет!.. В с ведь трудно р - зобр ть-то... Все, ч й, умнее меня, ст рик ... Все-то ты смеешься... Весел я головушк !.. С то- бой не соскучишься... Ну, я пойду домой... З при- те дверь-то: не р скрыло бы ветром ночью: хлоп ть будет... Все глядел бы н в ше сч стье!..

Я проводил стрижку, стоял на крыльце... Все на душе как-то беспокойно и тоскливо... Словно потерял на стоящую Клерию, это — не она, друг я... Послушал, как странно шумит бортик на скрипке под ветром сломанной сосной. Словно кто-то все качает воду из журвельного колодца. Ну, опять дождь, крупный, торопливый... Под светом из окошек он качается косым пучком прозрачных веревок. Вернулся. С тоской смотрю на Клерию, красивую, любимую и все-таки чужую. Облокотился на руки, подпер ими щеки и смотрю в ее лицо: на душе не берет невыносимая грусть, похожая на грусть, рожденную бетховенскими сонатами... Грусть о чем-то недостижимом, вечно мнящем и недвужемся, прекрасном, но далеком, о чем нельзя рассказать другому нашими словами...

— О чем взгрустнул, милый?

— Не знаю, Клерия...

— А я знаю... О той, с золотыми косами!

— Нет. Клянусь тебе, что и с нами не знаю...

— Радлюбил уже меня?..

— Нет, Клерия, клянусь тебе... Безумно люблю тебя и... безумно тоскую о твоей любви... Не знаю, Клерия, с нами не знаю...

Он подсел близко, взглянул в глаза и прищурился.

— По мне соскучился?

— Не шути так! Не надо. Я хотел бы тебе рассказать, отчего я грустен, но не умею.

Клерия замолчала и задумалась. Шевельнулся у нее верхняя губа, и улыбочка скрытой обиды скользнула и спряталась под черной шляпой. Вздохнув, он тихо сказал:

— Несчастный я человек, Геня.

— Почему?

— Вместо счастья и радости я думаю только страдания и...

— Это зависит только от тебя, Клерия...

— Нет... Непросто мы с тобой сюда приехали...

Расскажите бы сразу, и каждый унес бы с собой достойное воспоминание... А теперь...

— Расскажи тебе это надо?

— А ты как же думаешь?.. Уж не так, как скверно, чтобы мне было не надо этого.

Он отвернулся к окну и замолчал. Мне чуть-чуть был виден профиль ее лица: нервно вздрагивала верхняя губа, и вдруг выплеснул слезку, большая, тяжелая... Впечатляюще встала пустынный зал с рогом дома, гробик с Вовочкой, огоньки восковых свечей и стоящая около прекрасной женщины со скорбным лицом... Опять она, Клерия, моя потерянная была Клерия! Я не шел тебя снова и снова безумно люблю...

— Прости меня, если я тебя чем-нибудь обидел...

— Ничего... Пройдет... Джам! Поди сюда!

Собор вылез из-под стола и положил морду ей на колени. Клерия ласкала ее в каком-то странном экстазе и скормил ей почти весь хлеб, называя нежными именами и вдруг поцеловал в голову.

— Когда-нибудь вспомнит... Вспомнишь, Джам? Д?

Я подошел к Клерии, склонился к ее лицу:

— Как ты сейчас с милым. Как ты сейчас любишь тебя... Ты — моя...

— Когда-нибудь и ты вспомнишь... и пожелай о моей любви, которую тебе хочется теперь так... совсем и не любовью даже!.. Когда уйдет весна, как жалко бывает, что пропали подснежники и отцвели ландыши, хотя цветов много, даже больше, чем весной... Ты юн и не умеешь ценить цветы, которые топчешь мимоходом... Ты хочешь, чтобы я был лилией, а я — подснежник... Ты издала ошибку... и сердись на меня. Значит, зная, что я — не лилия?

Встал, ходит и смеется.

— А всего больше я похож на... Если тебе так хочется, чтобы я назывался лилией, то пусть я буду болотной лилией, каких я принес вчерас озер... В воде они прекрасны, издала — тянут сорвать... А когда сорвешь — свернут венчики, сожмутся, потеряют сразу снежную белизну... И думать тогда: «Где же корот, и из чем я лез в болото?» Нет, погляди!..

Клерия взяла с лавки поблекшую водяную лилию и швырнул ее мне.

— Это — я... Выкинь из окна!

Я сидел, сжав голову обеими руками, и все нервы моего тела дрожали, как тронутые струны. Я готов был снова рыдать, как это было утром на тропе. Но страшный громовой удар, ярко-синяя молния и крик Клерии спали меня. Встрепенулся избушка, мигнул на столе огонь, и я почувствовал лаское горячие руки Клерии.

— Ой-ой! Боюсь...

Как девочек, он взобрался ко мне на колени и цепляется руками...

— Бедня моя, мой подснежник, ландыш, лилия, все, все...

— Болотная!.. Д?

— Черная лилия... Сквозь черную лилию...

— Из сказки, которой веришь только до тех пор, пока он не доскажет...

— Красивая, захватывающая сказка!

— Сегодня я докажу тебе конец и... и... и конец!

— Ты не хочешь ее продолжить?

— Нет. Не люблю повторяться...

— Неужели же всему конец?!

— Кто знает! Быть может, когда-нибудь... Я хотел бы встретиться с тобой, когда ты...

— Когда?

— Когда ты поймешь меня... А поймешь ты тогда, когда пройдет весна и наступит лето...

— Не скоро, что ли?

— Кто знает! Все в жизни случается... И сейчас — только случается... Ах, Геня!.. — к которой ты молодой еще, слепой котеночек...

Он стал ласкаться, как кошки, потираясь щекой о мое лицо и изгибаясь в глыбу из грядочно, словно о чем-то тайном спрашивая меня, боясь слов... Опять ударил гром, вспыхнули сосновые стены избушки синим отблеском молнии, и сердито заворчал стальной бор.

— Пугает...

Он встал и крестным шелковым шарфом завесил окно.

— А теперь я хочу спросить тебе сказку о болатной лилии... Будешь слушать? А чтобы было страшнее и сказка казалась волшебнее...

Клерия потушил огонь...

.....

Всю ночь гремел гром и точно тысячи всадников пронеслись по мосту, стуча копытами по доскам, вдребезг разбивая избушку, и непрерывные молнии и трепетные зарницы рождали в зловещном крестной шпальте окне призраки плывущих пожаров... Кажется, что вся земля объята пламенем и обречена на гибель...

— Ах, Клерия! Мы с тобой сгорим в этом огне...

— Пусть!.. пусть!.. Ведь это сказка!.. И он еще не кончил...

Рано утром Клерия уехала... А солнце ярко блистало на вымытой траве, на цветах, на деревьях, переливаясь и играя в бесчисленных каплях вчерашнего дождя... И птицы как-то особенно громко и радостно звенели в лесу, гордо вздымаясь к голубым небесам свои вершины... В избушке осталась все та же, как было с ночи: с мраморным столом, недопитая чашка чая, полотенце на стене, ружье, под столом — Джельма, из белой пещеры — повядшая смятая трава... На полу в ляссы черныя рога яшпильки... Но в углу на лавке был страшный пустот: там мне было желтого чемодана.

— Клерия, Клерия! Что ты со мной сделала...

Я бросился в траву и, целуя ее, горько заплакал.

Весь день я блуждал по лесу с белой Джельмой и разговорившись с ней о Клерии:

— Эх, Джельма! Уехала Клерия... бросила нас Клерия!..

— Помнишь, Джельма, как она поцеловала тебя?

— Вот здесь, Джельма, мы с ней ели землянику...

Побывав на всех полянках, где мы были вместе, полежал и посидел на всех лужайках и упиавших соснах, где мы отдыхали... Безысходной грустью веяло от этих местечек... Иногда я остро влился и громко с тоской кричал:

— Клерия!

Тогда Джельма насторожилась и начинала смотреть в ту сторону, куда я кричал, и выжидательно поманила хвостом...

— Нет, Джельма, не жди: он далеко...

К вечеру вернулся в избушку и долго всматриваясь во все мелочи ее обстановки, надеясь увидеть или найти что-нибудь близкое, связанное с Клерией или напавшее на нее. Ах, дедушка, с чем ты убрал траву, вымел пол, расставил в порядке лавки. Теперь еще дельше стал Клерия, и кажется, что не прошлой ночью был гром и горело пожаром окно, двоясь, двоясь когда-то...

— Уехала молодуха-то...

— А-а, дедушка!

— Куда она?

— Не знаю.

— Как не знаешь?.. Вот тебе раз!..

— В город...

— Зря пустил... одну... Она у тебя с ветром... Этих надо в руке держать... Нет-нет вот — в траве шел... Видно, он обронил...

Дедушка подложил мне знакомое колечко с кровом-красным рубином.

— Он, он... Спасибо, дедушка!..

— Мне чужого не надо... Ждет ее будешь здесь или... он нескоро?

— Нескоро... Не доидти...

А уходить не хотелось, не было силы уйти... Избушка таяла в себе тайную близость с Клерией... Чудилось что-то невидимое и любимое...

— А где, дедушка, водяная лилия?.. Вот здесь на окне она лежала.

— Выкинул ее... Он ведь помер, завял... В озере их сколько хочешь... Свежих нарвешь...

— Выкинул?

— Выкинул.

— Эх, ты!.. А тр в ?..

— Я тебе свежей н кошу... Примял съ он ... В сенц х ее р зброс л — ноги вытир ть... После дождя-то грязи н т щись..

К к молния, прониз ло мне сердце воспоминание о последних л с х пред р светом, и, сев н л вке, я опустил руки и голову: «Кончил съ ск зк !..»

— Скуч ешь... Пойдем-к , бр т, н охоту! Все пройдет... Вчер съ перед грозой н летело уток — прорв ...

— Н охоту? Д , д , пойдём!..

— Я н ботнике, ты с соб кой берегом... Мы их всех выгоним...

— Дж льм , идем!

Дедушк с б гром и длинной одностволкой тихо пробир лся к мыш ми, стоя н м леньком ботнике, и с берег к з лось, что он идет по озеру, подпир ясь п лкой. Мы с Дж льмой продирились через ч шу прибрежных т льников и ст р лись не отст в ть от дедушки...

Дивный вечер после нед внего дождя и грозы: все блестит свежестью, яркостью кр сок и к кой-то новизной, словно это совсем не то озеро, которое видел уже... Золотые, розовые пятн н воде, и в этих пятн х — белоснежные лилии и желтые, к к куриные желтки, кувшинки... В зеленых к мыш х — б рх тные шишки, н воде — широкие листья пл вун и зеленые узоры — кружев ряски... Т инственн я гл дь воды, з ст вляющ я верить в рус лок... Вон т м, под склонившимися н д водою куст ми, где тих я глубин похож н зерк ло с отр жением, что-то плеснулось и пошевелило водоросли...

— Кря! Кря! Кря! — испуг нно з крич л утк и, уд рая по воде крыльями, полетел , словно побег л по воде...

— Бей! — кричит дедушк .

Вскинул ружье, и гулкий выстрел р збудил вечернюю з думчивость. Тяжело уп л утк н воду, и потянулись около нее р сполз ющиеся круги. А дым от выстрел лениво полз ет по воде...

— Есть! Дж льм ! Пиль!

Визжит от р дости Дж льм и, з дых ясь от волнения, плывет по озеру к убитой утке...

— К к ты ее см з л! Ловко, бр т!..

— Кря! Кря! Кря!

— Тр х! Тр х!

— Трр- х! — конч ет одностволк дедушки, и несется его дос дливый шепот:

— Эх, сволочь, улетел ! Стреляй!

Еще утк , друг я, э-э, д тут целый выводок... Стучит сердце, дрож т руки, не идет п трон.

— Эх, черт!..

Кряквы свистят крыльями н д головой, ружье не з ряжено: не лезет п трон... Дж льм скулит от дос ды...

— Погоди, ст рик, н до успокоиться... Ты тоже горячий...

— Д , бр т... не могу... К к вылетит утк — сердце обрыв ется... Пор бы уж привыкнуть, вот поди... Ну, порох просып л... Эх, ты, др ть ты з хвост...

— Дж льм ! Н з д! Тубо!

— Посыл й ее сюд : сейч с выводок в к мыш и ушел...

Р збудили озеро, к мыш и, лес; вздрогнули пятн , розовые и золотые, вострепенулись кувшинки, лилии, пл вуны и зеленые узоры ряски; з к ч лись, к к оп х л , длинные п лки с черными б рх тными н б лд шник ми... Горит душ , горит лицо, и нет горя. Нет!

— Милый! — т инственно кричит дедушк придушенным голосом. — Помри!

Это зн чит — присесть и з т иться. Зн чит — летят утки...

— Дж льм ! Куш!

— Уй, уй, уй, уй... — свистят утиные крылья, и Дж льм дрожит, к к в лихор дке. Я — тоже.

— Тр х! Тр х! Есть!

— Молодчин ! — кричит дедушк и весело смеется. — Двух см з л...

Уже стемнело. А в воздухе все еще тревожно посвистыв ют утиные крылья, з ст вляя н стор жив ться и вздр гив ть всем телом... Лун вык тил съ из к мышей и пунцово-кр сным ш ром ост новил съ н д озером... А н горизонте еще не потухл рдеющ я меж сосн ми лент вечерней з ри... Примолкло озеро и к мыш и, з гудели ком ры, огромные, злющие... З кв к лягушки. З дерг ли коростели... З шумели к мыш и осок ... Ст я г лок полетел куд -то н ночлег. З крич л сов . Вся природ — в уст лой з думчивости... Душ тоже дум ет помимо воли... О чем? Бог ее зн ет... О чем-то д леком и неясном, грустном и р достном, что было когд -то и чего не будет, или о том, что было и что опять повторяется и будет повторяться бесконечно...

— Енн дий!

— А!

— Темно. Н до конч ть...

Шумный всплеск воды, з серебрившейся под скользящим ботником.

— У меня, бр т, к р си есть... Уху св рим, д пожрем с уст тку-то...

— Это хорошо. Я голоден, к к волк...

— Вон летят!..

Бог с ними, пусть летят: не хочется сним ть ружья с плеч...

— Идем, Дж льм !..

Медленно ухожу и мурлык ю грустную песенку... А полн я лун прислушив ется и грустит вместе со мной... И звезды грустят... Впереди рыщет бел я Дж льм ... Ост новится, подождет, понюх ет убитых уток и снов скроется в темноте т льников...

— Фу, черт, к к жр ть хочется...

— Пойдем ко мне в землянку... Т м и поедим...

— Можно у тебя в землянке сегодня ночев ть?..

— А что в избе-то? Неужели один-то боишься?..

— Скучно одному...

— Э, бр т, об бился... Спи!.. Четверо будет: я, ты, ежд з яц...

Пришли в землянку. Ст рик з п лил огонек, ст л возиться около печки. А я р стянулся н л вке и почувствов л неимоверную уст лость. Приятн я сл бость перелив л сь в теле, и не хотелось ни шевельнуться, ни дум ть... Словно — н ч ло тиф , когд пл в ешь в к ком-то безр зличии. Д же улыбк , безвольн я и беспричинн я, скользит по губ м... Тяжелые ноги, словно в железных с пог х, и руки, к к чужие, ненужные...

— Енн дий! Ты что же... Ник к спишь уж?..

— Я к пельку подремлю...

— А ты хоть кул к под голову-то положи... К к утопленник... Н тулуп!.. А я буду уху в рить...

Дедушк возился около печки, колол лучину, чистил к р сей, пов рчив л н кого-то и пок шли в л, мне было т к хорошо и спокойно, словно я сдел лся опять м леньким внучком, дед — моей покойной б бушкой... Будто я н творил к ких-то бед и спрят лся под з щиту б бушки...

— Вишь, к к, сердечный, н м ялся: ни рукой, ни ногой... Молодое дело...

Чего ты т м ворчишь, ст ренький!.. Ворчи, ворчи!.. Т к уютно и хорошо слуш ть, к к потрексив ют н шестке горящие щепки, бурлит в котелке ух и к к ворчишь ты, ст ренький...

— Тош я, з цепист я... С ней, бр т, построже н до: он с м с ус ми.

— Ах, это ты — про К лерию!..

К лерия... Стр нное имя... Что это з чело-век, т кой д лекий и близкий?.. Пришл ночь и, к к огненный вихрь, з кружил в себе и сожгл сердце в пл мени грозových з рниц... И ушл куд -то вместе с грозовой тучей... Нет ее — почему же я не пл чу, и не стр д ю, и не томлюсь тоской?.. Ведь я же люблю ее!.. Не зн ю, ничего не зн ю... К з лось, что без нее я не могу жить, вот живу, и душ моя дел ется все спокойнее и спокойнее... Гроз пронесл сь, пог сли огненные

змии молний и смолкли громовые р ск ты. Опять тишин ... А к к кр сиво и стр шно было окно, з веш нное кр сным ш рфом: к з лось, что вся земля пыл ет в пл мени и что все должно погибнуть... Может быть, и мы, и н ш любовь сгорели в этом огне... и ост лся один пепел... Не зн ю... Все рвно... Уст л... Невыносимо уст л... Я могу уснуть и сп ть день, дв , три... Т к хорошо сп ть и ни о чем не дум ть!.. Д же о К лерии...

— Ну, вст в йд поешь! Ух поспел ...

— Не хочу...

— А ты поешь д и спи с Богом... Иди, иди, нечего... Ночь долг я, теперь некому меш ть: один без молодухи... Выспишься...

К к в бреду сижу и ем уху, не поним ю, о чем говорит дедушк , и не интересуюсь ничем н свете. И к жется, что это не я ем уху, кто-то другой, и что все, что было в ст ром бору, было тоже не со мной, с кем-то другим...

— Ну вот, теперь и ложись...

Я, никогд не молившийся, помолился, бросил с поги и куртку и, к к взез пно убитый, брякнулся н ск мью и уснул глубоким сном, без грез и сновидений...

Проснулся поздно и ср зу з хотел домой... Торопливо собр лся, выпил ч ю и, вскинув ружье з спину и взяв гит ру под мышку, простился с дедушкой.

— Ну, с Богом!.. Приходи з утк ми-то, только уж один, без б бы: с б бой к к я охот !.. Я тебя провожу...

— Дж льм ! Идем!

— З колотить н до окошко-то, — ск з л дедушк , проходя мимо избушки...

И когд я шел в сосн х, и избушки не было уже видно, в тихом бору гулко з стуч л топор, з кол чив ющий окно и дверь моего «Кр я свет »... Я приост новился и послуш л: точно з кол чив ют крышку Вовочкиного гробик ... Н мгновение у меня сж лось сердце...

— Идем, Дж льм !

Я громко, н весь бор, з пел и быстро з ш г л вперед, углубляясь в молч ливый бор, полный велич вого спокойствия...

Эх, ты, но-о-ченька-а, а ночка те-о-о-мая,
Ночка темна-а-я, а ночь о-о-се-е-нняя...

И тихий бор подпел л мне своим эхо...

С кем я э-э-эту ночь да ночевать бу-у-ду-у?..

Было уже темно, когда я подходил к ней у двери... В розовом тумане не было слышно вечер, и резко рисовались потемневшей синеве неба стволы липы и шего с д... Вон мигнул через листву деревьев слабенький огонек... Собака почуяла мое приближение: залилась в дворовый голос... Стыдно как-то и немного странно... Остановился около прясла, положил на трюмо гитару и ружье, сел на бревно подумывать... В сущности, к кому мое дело, где я был и что делал? Охотился — и конец!.. Вот он, дичь: три утки... Еще огонек... У меня... Воображаю, как кончатся мои встречи... особенно если ямщик расскажет про лесную сторожку... Неужели расскажет? Ну и отлично. Я не мальчик, чтобы...
— Ну-с... Идем, Джамьян!.. Вперед!

Громко зашел и нырнул через двор прямо в свою беседку. Пусть знают, что я возвращаюсь...

— Кто это идет?
— Я, тетюшка.
— А-... Хорошо ли поохотился?
— Прекрасно...
— А моты тут с ума сходит...
— Почему?
— Ей кто-то не болтал, что ты с этой... особой ух...
— А хотя бы и с этой особой...
— Об этом я считаю неприличным разговором...
— Тем приятнее!..
— Мы хотели заявить о твоей пропаже. Если бы завтра не вернулся, мы бы поехали бы к новому приставу...
— Вы без пристава жить не можете... Это уж конечно...

Пошел в сад. В беседке сумрачно и печально. Пусто как-то и одиноко... Зажелтел и огляделся: все на своем месте, и все не так, как было раньше. И письменный стол, и окно с сиренью, и турецкий диван, и кресла — все словно умерло... Кто шеверялся у меня на столе? Где портрет?.. Ах да... забыл!.. Я его спрячу: вот он!.. Взглянул на портрет, и испуганно вздрогнуло сердце: словно живые, ласково и укоризненно взглянули на меня чистые глаза девушки... Это ощущение было до такой степени реально, что я испугался и покосился... Снов спрячу портрет в ящик и выйду на крыльцо... Кто-то идет...

— Блин, в самом шенке требуют к себе...

— Требуют?.. Скажи — сейчас приду... Вот возьми уток... Три утки.

Переоделся во все чистенькое, причелся и отправился, с некоторым волнением, в старый дом. В столовой готовятся к ужину... Вокруг стола ходит тетя помоложе.

— А где мама?

— Там! — Тетка покосилась на комнату, где помещалась Клара с ребенком, и ухмыльнулся. — Уехал и побросал все свои секреты...

Подли ужин, позвали маму. Выходит.

— А, Геннадий!..

— Здравствуй, мама!..

— Гм... Возвращение блудного сына... Господи, но что он похож!

— Кто: я или «Господи»?

— Словно н тебе воду возили... или не кормили с прошлого год ...

Тетки переглянулись и фыркнули.

— Охот пуще неволи, — прошепт л помоложе, пост рше з метил :

— Он с гит рой ходил... Вроде ш рм нщик ... Должно быть, утки любят музыку... Сядет н болоте и поигрыв ет, утки, дуры, плывут послуш ты...

— Ты до к кого мест проводил прекр сную К лерию?

— Не все ли это р вно, м м !

Опять — прист льный взгляд м тери и шепот теток.

Чувствую, что кр сною, и злюсь н с мого себя. Н до кончить это одним уд ром:

— М м и почтенные тетушки!.. Я люблю К лерию и потому прошу в с при мне не з тр гив ты н ших отношений...

— Вот к к!.. Тогд извольте в м все н следствие после предмет в шей любви... Перешли ей. Я не зн ю ее дрес , д, призн ться, и не жел ю войти с ней в переписку...

М ть бросил к моему прибору н стол сверток трубочкой:

— Р зные документы... Вся душ н р сп шку... «Милости просим!..»

— А вы, конечно, произвели р следов ние этих документов?

— Д , произвели... Д и тебе советуем: тебе н до зн ты, кого ты любишь...

— Это — мое дело...

Я сунул в к рм н сверток и уткнулся в т релку. М ть молч л , изредк вздых я и посм трив я в мою сторону. Тетки сидели с торжественно-непобедимым видом.

— Мерси!

— Не стоит...

Ушел в беседку и долго дум л: р звернуть сверток или, не трог я, отосл ты К лерии «в Ниццу до востребов ния», к к он просил пис ты ей, «если придет охот ». Подло чит ты чужое... Бросил сверток н стол и, ходя по комн те, р згов рив л с собою:

— Но я имею пр во зн ты, любит он меня или нет? Д , имею... Он говорит, что любит к к умеет, но я должен зн ты, к к он умеет...

— Все р вно: подло, бр тец!..

— Если бы я прочит л с целью повредить ей — другое дело, но ведь я хочу одного: выяснить свое положение... Только! Это умрет со мной...

С кр ской в лице р звернул я сверток: клочки, н ч тые и брошенные письм , черновик к кой-то телегр ммы... Ничего особенного...

«Вовочк сконч лся, последняя связь порв л сь, прощ й, не кончилось».

«Облетели цветы... Догор...»

«К лерия». «Твоя» — з черкнуто.

«Что это: неужели нов я прихоть любви, или просто эхо юности и жел ние извед ты кр соту и чистоту непосредственного чувств ? Генн дий. Геня. Генек. Не кр сней и не упрямясь... Все р вно... все р вно... все...»

— Вот он , р зг дк !

Я перечитыв л эти строки и злор дно хохот л. Т к вот в чем дело! А я, дур к, вообр зил, что тебе был нужн только моя чистот !

— Взял ты ее, мою чистоту, кр сив я р звр тниц . Если бы я зн л!

В иступленной злобе, с клокающим оскорблением, к к зверь в клетке, мет лся я по комн те и бессильно рылся в х осе спут нных мыслей и ощущений... Мстить? К к?.. Из что? Р зве он клял сь и обещ л что-нибудь?.. Он повторял несколько р з, что может отд ты только кр соту, одну кр соту... Почему же этот клочок бум ги т к пор зил и оскорбил меня... Э, не все ли р вно!.. Чистот . Ну и бери ее, только ост вь душу!.. Душ — птиц , и, побившись в твоих дьявольских сетях, он вылетел н свободу... Черный дьявол. Пришл и все, все р зрушил !.. Д же кр сивую любовь к себе сожгл в своих неистовств х...

— Убить тебя, проклят я... Отшвырнуть ногой!.. Я пл к л и пресмык лся около тебя, к к сб к ... Я тебе н пишу... Все н пишу... Я вылью н тебя все презрение, которым н полнен теперь душ моя к тебе и к твоей грязной любви...

«К лерия... Ты добив л сь укр сть мою чистоту и добил сь этого... Т к зн й же, что... я...»

Ну, что же «зн й»? Не зн ю... Что пис ты и к к выск з ты вихрь своего оскорбленного с молюбия... Бросил перо и снов ст л, к к зверь в клетке, бег ты из угл в угол... Что я ск жу, что он — скверн я? Но он и не выд в л себя з добродетельную... Что я ее презир ю? Но он может ск з ты мне, что ей это уже неинтересно... Он предложил отд ты друг другу «кусочек жизни», и я согл сился, теперь кричу: «к р ул, огр би-ли!» — к к м льчик, который поменялся с тов рищем игрушк ми, потом передум л и обвиняет его в кр же...

— Дур к!.. Брось все эти «документы» к черту!.. Стыдно.

И все-т ки он безумно кр сив в своих греховных порыв х... Не винов т он , что Бог не д л ей ничего другого...

Долго я не мог з снуть и все судил прекр сную женщину... Он сидел н ск мье обвиняемых в

моей пмяти и слук вством в прищуренных гл з х, с р злившимися по плеч м черными волн ми не- послушным прист льно смотрел н судью, потом укр дкой спр шив л его:

— Р зве т к преступн ск зк , которую я р с- ск з л тебе ночью под грохот громов и з рево пл меневших з рниц и молний? Ну если бы я сей- ч с вот з глянул в окно твоей беседки и попро- сил сь войти к тебе — неужели ты не отпер бы двери?

— Не зн ю, ничего не зн ю... Бог тебе судья... Не муч й: уйди из моей пмяти и д й мне з быть- ся!.. Не пробужд й твоими бесстыдными гл з ми того, что прошло, ушло и никогда не повторит- ся... «Вовочк сконч лся, последняя связь порв - л сь»... С кем порв л сь?.. Кто этот несч стный человек, с которым, к к и со мной, все кончено?.. Ведь с мужем д вно уже было кончено... Ах, д не все ли мне р вно, кто он!..

Н другой день, когд мы пили утренний ч й, з звенели колокольчики, и н двор въех л все тот же мужик Степ н, который привез меня домой, потом отвез н с с К лерией в бор к дедушке и з - тем увез К лерию «в Ниццу, до востребов ния»... При виде этого мужик я испуг нно соскочил с мест и почему-то стр шно обр дов лся.

— А, Степ н!

Но Степ н приех л не один: из т р нт с вы- шел и н пр вился к н шему б лкону господин средних лет, изыск нно одетый, хотя и покрытый с головы до пят пылью, высокий и кр сивый брю- нет в пенсне, словно ветром принесенный сюд с троту ров к кого-то большого город . Приподняв шляпу, он приблизился к б лкону и спросил, ози- р я меня, м ть и теток:

— Pardon!.. Ск жите, пож луйст , здесь живет К лерия Вл димировн и могу я ее видеть?..

М ть вст л и молч ушл в комн ты, тетки не ответ ли. Пришлось говорить мне. Я попросил его к столу и предложил ч ю. Но узн в, что К лерия

уже уех л , он стр шно з волнов лся, ст л изви- няться и торопиться ех ть.

— Н одну минуточку... — тихо ск з л он мне, подхв тив меня под руку и сводя с крыльц ...

— К в шим услуг м!..

— Мне хотелось бы побыв ть н могиле ребен- к К лерии Вл димировны. Он поручил мне по- смотреть и н пис ть ей...

Ах, т к это ты, который... Я с иронической улы- бочкой посм трив лн господин , где-то т м, в с мых сокровенных уголк х моей души, шеве- лил сь змея жгучей ревности... И ты целов л ее, и он целов л тебя... все т к же, к к было со мной...

— Ямщик! Отвези этого господин н кл дби- ще... Впрочем... Ребенок в ш схоронен в цер- ковной огр де, — прист льно в упор глядя н смутившегося господин , произнес я и холодно р скл нялся с отцом бедного Вовочки...

Господин уех л. Вышл м м иск з л :

— Должно быть, это — твой предместник... Приятное зн комство...

Тетки прыснули со смеху и под вились ч ем...

— Кукушк ... Р збр сыв ет своих деток по чу- жим могилк м...

— Поди, Генечк , помоги ему молиться...

— Эх, вы... г лки!.. Чуть провинится в ш се- стр , сейч с же все н нее!.. З клюете!..

— Он обиделся з своего нового родственни- к ... К к он тебе приходится?..

— Свояк...

Оплевл и, опог нили все, что случилось. Не пощ дили д же Вовочкиной могилы. А с м я... Тоже! Ах, з чем мы т к жестоки д же к с мим себе?! З чем мы с ми т к спешим потопить в гря- зи все, что д ет н м яркого и р достойного н ш убог я жизнь... Прости, К лерия!.. Я хочу, я дол- жен все простить тебе и «з то, что я любил», и «з то, что сч стлив был»... Я не хочу быть с твоими г лк ми...

Продолжение следует.